Novella Russian

Classic stories in simple Russian

ADAPTED TEXT

Шу́точка

Анто́н Че́хов

An adapted retelling for learners, with stress marks. The English on the right is a guide, not a word-for-word translation.

Watch the video
and get the free PDFs:
novellalanguages.com/
russian/shutochka

СЛОВА́ · WORDS

моро́з	frost
гора́	hill (here: an ice hill)
са́нки	sledge, toboggan
ве́тер	wind
боя́ться	to be afraid
про́пасть	abyss, chasm
бле́дный	pale
дрожа́ть	to tremble
вполго́лоса	in a low voice
зага́дка	riddle, mystery
запи́ска	a short note
забо́р	fence
уезжа́ть	to go away, leave
за́мужем	married (of a woman)
шу́точка	a little joke

ТЕКСТ · STORY

Я́сный зи́мний день. Я и На́денька стои́м на высо́кой ледяно́й горе́.	A clear winter day. Nadya and I are standing on a high ice hill.
Моро́з си́льный, и ку́дри На́деньки бе́лые от и́нея. Ря́дом стоя́т ма́ленькие кра́сные са́нки.	The frost is hard, and Nadya's curls are white with hoarfrost. Next to us stands a little red sledge.
— Съе́демте вниз, Наде́жда Петро́вна! Оди́н то́лько раз! Уверя́ю вас, всё бу́дет хорошо́!	"Let's ride down, Nadezhda Petrovna! Just once! I promise you, everything will be all right!"
Но На́денька бои́тся. Ей ка́жется, что внизу́ — стра́шная глубо́кая про́пасть.	But Nadya is afraid. To her it seems that down below is a terrible, deep abyss.
— Умоля́ю вас! Не на́до боя́ться!	"I beg you! There's no need to be afraid!"
Наконе́ц она́ соглаша́ется. Я сажа́ю её, бле́дную и дрожа́щую, в са́нки. И мы лети́м вниз!	At last she gives in. I sit her down on the sledge, pale and trembling. And down we fly!
Са́нки летя́т, как пу́ля. Ве́тер реви́т и свисти́т в уша́х. Дыша́ть тру́дно. Ка́жется, сам дья́вол та́щит нас в ад!	The sledge flies like a bullet. The wind roars and whistles in our ears. It is hard to breathe. It seems the devil himself is dragging us down to hell!

© 2026 Novella Languages · Adapted texts and translations are free for personal and classroom use.

— Я люблю́ вас, На́дя!	“I love you, Nadya!”
Са́нки е́дут всё ти́ше и ти́ше. Мы внизу́. На́денька ни жива́ ни мертва́.	The sledge goes slower and slower. We are at the bottom. Nadya is more dead than alive.
— Ни за что бо́льше не пое́ду! Ни за что на све́те! Я чуть не умерла́!	“I’ll never go again! Not for anything in the world! I nearly died!”
Пото́м она́ смо́трит мне в глаза́. Кто сказа́л э́ти четы́ре сло́ва? Я? И́ли э́то шуме́л ве́тер?	Then she looks into my eyes. Who said those four words? Me? Or was it the noise of the wind?
А я стою́ ря́дом, курю́ и внима́тельно смотрю́ на свою́ перча́тку.	And I stand next to her, smoking, and carefully study my glove.
Мы до́лго гуля́ем о́коло горы́. Да и́ли нет? Да и́ли нет? Для На́деньки э́то са́мый ва́жный вопро́с на све́те.	We walk around the hill for a long time. Yes or no? Yes or no? For Nadya it is the most important question in the world.
— Зна́ете что? Дава́йте ещё раз прока́тимся…	“You know what? Let’s have one more ride…”
Опя́ть мы лети́м вниз. Опя́ть реви́т ве́тер. И опя́ть я говорю́ вполго́лоса:	Again we fly down. Again the wind roars. And again I say in a low voice:
— Я люблю́ вас, На́денька!	“I love you, Nadenka!”
Внизу́ На́денька до́лго смо́трит на моё лицо́. Оно́ споко́йное и равноду́шное. «Кто э́то сказа́л? Он? И́ли мне то́лько послы́шалось?»	At the bottom Nadya looks at my face for a long time. It is calm and indifferent. “Who said it? Him? Or did I only imagine it?”
Бе́дная де́вочка не отвеча́ет на вопро́сы. Она́ хму́рится. Она́ гото́ва запла́кать.	The poor girl doesn’t answer my questions. She frowns. She is ready to cry.
— Не пойти́ ли нам домо́й?	“Shan’t we go home?”
— А мне… мне нра́вится э́то ката́нье. Не прое́хаться ли нам ещё раз?	“But I… I like this sledging. Shall we have one more ride?”
Ей «нра́вится». Но в са́нках она́ опя́ть бле́дная и дрожи́т от стра́ха.	She “likes” it. But on the sledge she is pale again and trembling with fear.
Мы е́дем в тре́тий раз. Она́ смо́трит на мои́ гу́бы. Но я закрыва́ю рот платко́м, ка́шляю и говорю́:	We go down for the third time. She watches my lips. But I cover my mouth with a handkerchief, cough, and say:
— Я люблю́ вас, На́дя!	“I love you, Nadya!”
И зага́дка остаётся зага́дкой! Я провожа́ю На́деньку домо́й. Она́ идёт ме́дленно и всё ждёт: мо́жет быть, я скажу́ э́ти слова́?	And the riddle remains a riddle! I walk Nadya home. She walks slowly and keeps waiting: maybe I will say those words?

© 2026 Novella Languages · Adapted texts and translations are free for personal and classroom use.

Не мо́жет быть, что э́то говори́л ве́тер! Я не хочу́, что́бы э́то был ве́тер!	“It can’t be the wind that said it! I don’t want it to be the wind!”
На друго́й день у́тром я получа́ю запи́ску: «Е́сли пойдёте сего́дня на го́рку, зайди́те за мной. Н.»	The next morning I get a note: “If you are going to the ice slide today, call for me. N.”
С э́того дня мы ка́ждый день хо́дим на го́рку. И ка́ждый раз на са́нках я говорю́ вполго́лоса:	From that day on we go to the ice slide every day. And every time, on the sledge, I say in a low voice:
— Я люблю́ вас, На́дя!	“I love you, Nadya!”
Ско́ро На́денька привыка́ет к э́тим слова́м, как к вину́. Она́ уже́ не мо́жет жить без них.	Soon Nadya gets as used to these words as to wine. She can no longer live without them.
Ей всё ещё стра́шно лете́ть с горы́. Но кто говори́т э́ти слова́ — я и́ли ве́тер? Она́ не зна́ет. И ей уже́ всё равно́.	She is still frightened of flying down the hill. But who says those words — me or the wind? She doesn’t know. And she no longer cares.
Одна́жды я прихожу́ на го́рку оди́н и пря́чусь в толпе́. Я ви́жу: На́денька и́щет меня́ глаза́ми.	One day I come to the ice slide alone and hide in the crowd. I see Nadya looking for me.
Пото́м она́ ме́дленно поднима́ется на го́ру. Одна́! Ей стра́шно, она́ бледна́, как снег. Но она́ хо́чет знать: бу́дут ли слова́, когда́ меня́ нет?	Then she slowly climbs up the hill. Alone! She is frightened and as white as snow. But she wants to know: will the words come when I’m not there?
Она́ сади́тся в са́нки, закрыва́ет глаза́ — и е́дет вниз. Са́нки жужжа́т: «Жжжж…»	She sits on the sledge, shuts her eyes — and goes down. The runners hiss: “Zzzzz…”
Внизу́ она́ встаёт, сла́бая и уста́лая. Слы́шала она́ слова́ и́ли нет? Она́ и сама́ не зна́ет.	At the bottom she gets up, weak and exhausted. Did she hear the words or not? She doesn’t know herself.
Но вот наступа́ет март. Со́лнце гре́ет. На́ша гора́ темне́ет и та́ет. Мы бо́льше не ката́емся.	But now March comes. The sun is warm. Our hill turns dark and melts. We don’t go sledging any more.
Бе́дной На́деньке бо́льше не́где слы́шать э́ти слова́. А я уезжа́ю в Петербу́рг — надо́лго, мо́жет быть, навсегда́.	Poor Nadya has nowhere to hear those words any more. And I am leaving for Petersburg — for a long time, maybe for ever.
За два дня до отъе́зда я сижу́ ве́чером в саду́. За высо́ким забо́ром — двор, где живёт На́денька. Ещё хо́лодно, но уже́ па́хнет весно́й.	Two days before I leave, I am sitting in a garden in the evening. Behind a high fence is the yard where Nadya lives. It is still cold, but it already smells of spring.
Я смотрю́ в щель в забо́ре. На́денька выхо́дит на крыльцо́ и гру́стно смо́трит на не́бо.	I look through a crack in the fence. Nadya comes out onto the porch and looks sadly at the sky.
Весе́нний ве́тер ду́ет ей в лицо́. Он напомина́ет ей тот ве́тер на горе́. По щеке́ ползёт слеза́.	The spring wind blows into her face. It reminds her of that wind on the hill. A tear rolls down her cheek.

© 2026 Novella Languages · Adapted texts and translations are free for personal and classroom use.

И бе́дная де́вочка протя́гивает к ве́тру ру́ки. Я жду ве́тра и говорю́ вполго́лоса:	And the poor girl holds out her arms to the wind. I wait for the wind and say in a low voice:
— Я люблю́ вас, На́дя!	“I love you, Nadya!”
Бо́же мой, что де́лается с На́денькой! Она́ вскри́кивает и улыба́ется во всё лицо́. Она́ протя́гивает ру́ки навстре́чу ве́тру — ра́достная, счастли́вая, така́я краси́вая.	My God, what happens to Nadya! She cries out and smiles all over her face. She holds out her arms to meet the wind — joyful, happy, so beautiful.
А я иду́ собира́ть ве́щи.	And I go off to pack my things.
Э́то бы́ло давно́. Тепе́рь На́денька за́мужем. Её вы́дали за́муж, и́ли она́ сама́ вы́шла — всё равно́. У неё уже́ тро́е дете́й.	That was long ago. Now Nadya is married. Whether they married her off or she married of her own accord — it makes no difference. She already has three children.
Она́ по́мнит, как мы ката́лись с горы́. И как ве́тер приноси́л ей слова́: «Я вас люблю́, На́денька». Э́то её са́мое счастли́вое воспомина́ние.	She remembers how we went sledging down the hill. And how the wind brought her the words: “I love you, Nadenka.” It is her happiest memory.
А мне тепе́рь, когда́ я ста́рше, уже́ непоня́тно: заче́м я говори́л те слова́? Заче́м шути́л?	And now that I am older, I no longer understand: why did I say those words? Why did I joke?
Коне́ц. Четы́ре сло́ва, оди́н ве́тер — и одна́ шу́точка на всю жизнь.	The end. Four words, one wind — and one little joke for a whole lifetime.

© 2026 Novella Languages · Adapted texts and translations are free for personal and classroom use.